

РЕФОРМА РАН 2013 Г. И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ЦЕНТРОВ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН)

Куперштох Наталья Александровна

Институт истории Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия
nataly.kuper@gmail.com

DOI: 10.19181/sntp.2020.2.1.3

АННОТАЦИЯ

Реформа РАН 2013 г. прервала долговременную стратегию Российской академии наук на последовательное развитие регионального научного потенциала. Суть этой стратегии заключалась в постепенном наращивании «научных сил» на местах и их организационном оформлении сначала в филиалы, а затем в научные центры АН СССР/РАН. Региональные научные комплексы прошли долгий путь формирования: от единичных лабораторий и станций в начале XX в. до междисциплинарных научно-образовательных комплексов XXI в. Региональные научные центры РАН доказали свою эффективность как центры, осуществлявшие координацию и управление деятельностью учёных как по вертикали, так и по горизонтали. В статье показана история формирования системы научных центров, координации и управления научными исследованиями в Сибирском отделении РАН начиная с 1957 г. Накануне реформы 2013 г. СО РАН представляло систему из девяти научных центров, расположенных на территории Западной и Восточной Сибири. Проанализированы результаты политики оптимизации научного потенциала, а фактически, «схлопывания» ряда научных центров Сибирского отделения РАН. Эта политика проводилась Федеральным агентством научных организаций (ФАНО) в 2013–2018 гг. и Министерством науки и высшего образования РФ в 2018–2019 гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Российская академия наук; реформа 2013 года; Сибирское отделение; региональные научные центры.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Куперштох Н. А. Реформа РАН 2013 г. и её последствия для региональных научных центров (на примере Сибирского отделения РАН) // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 1. С. 54–68.

DOI: 10.19181/sntp.2020.2.1.3

ВВЕДЕНИЕ

Научно-технологическая политика России в современный период и последствия реформы Российской академии наук, осуществлённой в 2013 г., проанализированы науковедами, социологами, организаторами науки [1–6]. Эмоциональные оценки реформы и протестные акции учёных непосредственно после принятого решения свидетельствовали о том, что реформа готовилась без каких-либо консультаций с учёными, предлагавшими свои варианты реформирования академической науки. По истечении шести лет, прошедших после реформы, можно подвести некоторые итоги её реализации применительно к региональному научному потенциалу.

Основной структурной единицей дореформенных Российской академии наук (РАН), Российской академии медицинских наук (РАМН), Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН) являлись специализированные и региональные отделения, а также научные центры. В свою очередь, три региональных отделения РАН (Уральское, Сибирское и Дальневосточное) представляли системы из региональных центров, осуществлявших как фундаментально-прикладные исследования, так и комплексное изучение регионов. Цель статьи – проанализировать последствия реформы 2013 г. применительно к научным центрам самого крупного из территориальных отделений – Сибирского отделения РАН.

СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК НА РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ

Со времён М. В. Ломоносова, сформулировавшего гениальную по своему научному предвидению фразу «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном», прошло несколько столетий. Крупнейшие месторождения нефти и газа, других ценных природных ресурсов были открыты именно в Сибири, а освоение Арктики является одним из приоритетных направлений государственной политики. На протяжении почти 300-летней истории РАН последовательно выдерживалась стратегия на изучение обширных пространств Российского государства. Изучение территорий Сибири и Дальнего Востока в XVIII столетии осуществлялось силами экспедиций, с самого начала имевших комплексную направленность. В XIX в. освоению обширного региона способствовали не только участники экспедиций, но также представители местных научных сообществ и первых вузов региона. С начала XX в. важность изучения производительных сил регионов была сформулирована академиком В. И. Вернадским. Основные векторы этого изучения определяла возглавляемая им академическая Комиссия по изучению естественных и природных ресурсов (КЕПС). Первые академические стационарные ячейки в Сибири появились с целью изучения

уникальных природных явлений (вечной мерзлоты) и природных объектов (оз. Байкал).

Мобилизационные стратегии советского государства по модернизации экономики вызвали перестройку всей деятельности Академии наук СССР. За развитие региональных стратегий отвечал преемник КЕПС – Совет по изучению производительных сил (СОПС), силами которого организованы десятки экспедиций. Однако его потенциала было явно недостаточно, чтобы интенсивно изучать ресурсный потенциал регионов, а также воплотить в жизнь крупные народно-хозяйственные проекты типа Урало-Кузбасского комбината. Необходимо было найти новые организационные формы для концентрации научных сил. Такими формами, по мнению научно-педагогической общественности региона, могли быть научно-исследовательские базы и филиалы Академии наук. Однако проекты по их созданию в Сибири в 1930–1940-е годы так и не были реализованы в силу недостатка средств и квалифицированных кадров.

Процесс институционализации региональной науки ускорила Великая Отечественная война. В 1943 г. принято решение об организации первого в Сибири Западно-Сибирского филиала АН СССР, призванного максимально сконцентрировать научно-образовательный потенциал региона для оперативной разведки полезных ископаемых, разработки новых технологий на оборонных заводах и т. п. К 1957 г. на территории Западной и Восточной Сибири действовали, помимо Западно-Сибирского филиала, Восточно-Сибирский и Якутский филиалы АН СССР. Их основной направленностью было изучение производительных сил регионов, а фундаментальные исследования имели точечный характер и связывались с именами отдельных учёных – Ю. Б. Румера в Новосибирске, Л. В. Киренского в Красноярске, П. И. Мельникова и Ю. Г. Шафера в Якутске и др. Значение филиалов, по признанию экспертов, заключалось в своеобразной «инвентаризации» природных ресурсов Сибири. На основе накопленного филиалами АН СССР потенциала выстраивалась дальнейшая стратегия изучения и освоения обширных территорий Сибири.

ОРГАНИЗАЦИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР КАК ФЕНОМЕН В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Организация первого территориального отделения Академии наук в 1957 г. по инновационным для своего времени принципам означала новый этап в реализации государственной научной политики в отношении регионов. Сибирское отделение впервые в истории Академии наук объединило сеть научных учреждений за Уралом и организационно, и территориально. Но главное было в другом: организаторы СО АН СССР – академики М. А. Лаврентьев, С. Л. Соболев, С. А. Христианович – впервые предложили авторскую модель комплексного научного центра, которая успешно действует на протяжении десятилетий не только в России, но и в ряде зарубежных стран. В основу модели положены следующие принципы: междисциплинарное

развитие фундаментальных исследований, разработка на их основе инновационных технологий для внедрения в производство, подготовка кадров по актуальным научным направлениям.

Региональная стратегия заключалась в последовательном развитии академических научных центров Сибири на основе этих принципов. В целом, несмотря на трудности и проблемы, эту стратегию удалось реализовать. В 1960-е гг. укрепились Новосибирский, Иркутский и Якутский научные центры. В конце 1960-х – 1970-е гг. началось активное развитие академических центров в Томске, Красноярске, Улан-Удэ. В 1990 г. открыты научные центры в Кемерово, Тюмени и Омске, планы по развитию которых существенным образом скорректировали реалии постсоветской России [7].

Каждый научный центр СО АН СССР представлял стройную структуру: в его составе находились научно-исследовательские институты, конструкторские организации, отдельные лаборатории и сектора. Их деятельность координировалась президиумом научного центра. К примеру, президиум Томского научного центра осуществлял координацию деятельности входящих в состав ТНЦ научных и конструкторско-технологических учреждений, отвечал за интеграцию с вузами города, содействовал внедрению разработок на предприятиях, сотрудничеству томских НИИ с другими институтами страны и региона, отвечал за международные связи и т. п. Президиумы научных центров выстраивали линию взаимодействия с местными органами власти, а в продвижении инициатив по созданию новых научных учреждений опирались на поддержку партийно-государственной элиты региона.

Деятельность президиумов научных центров направлялась организационным центром всего Сибирского отделения – президиумом СО АН СССР, работа которого в советский период осуществлялась под руководством председателей Отделения – академиков М. А. Лаврентьева, Г. И. Марчука, В. А. Коптюга. Президиум СО АН СССР являлся распорядителем финансов, получаемых Сибирским отделением напрямую из федерального бюджета, был посредником во взаимодействии «большой» Академии наук с научными центрами Сибири, а также проводником государственной политики и инициатором разработки стратегических программ на региональном уровне. Система деятельности регионального научного комплекса – Сибирского отделения АН СССР – была выстроена таким образом, что управление и координация были возможными как по горизонтали (сотрудничество сибирских институтов между собой по отдельным программам), так и по вертикали (интеграция сибирских институтов с институтами РАН в выполнении программ союзного уровня).

Важную роль играли объединённые учёные советы президиума СО АН СССР по научным направлениям, которые обеспечивали координацию сибирских институтов со специализированными отделениями АН СССР и в любой момент могли предоставить аналитическую информацию о результатах институтов СО АН в области физики, математики, химии, биологии, геологии и т. п. Актуальные проблемы развития науки и результаты исследований сибирское научное сообщество обсуждало на ежегодных общих собраниях СО АН СССР, которым предшествовали общие собрания региональных центров Отделения.

Деятельность Сибирского отделения по координации и управлению научными центрами и институтами доказала свою эффективность при подготовке комплекса исследований для космической и оборонной отраслей, позволила решать другие задачи государственного масштаба. Сложившиеся механизмы координации сделали возможной в 1970–1980-е годы разработку и реализацию комплексной программы «Сибирь» с целью изучения ресурсного потенциала на новом витке экономического развития страны и определения перспектив дальнейшего развития региона. Модель управления наукой позволяла в кратчайшие сроки аккумулировать усилия специалистов при изучении актуальных проблем, предотвращать реализацию сомнительных проектов, таких как проект переброски сибирских рек в Среднюю Азию. За период с 1957 по 1991 г. на востоке страны сформировался крупнейший региональный научный комплекс. Сибирское отделение АН СССР представляло систему из девяти научных центров, а также институтов в отдельных городах Сибири. Накануне распада СССР в Сибирском отделении АН СССР насчитывалось 83 научно-исследовательские и конструкторско-технологические организации. По данным управления кадров президиума СО РАН, общая численность работающих составляла 50 тыс. чел., в том числе 11,8 тыс. научных сотрудников.

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

В постсоветский период организационный каркас Сибирского отделения РАН не претерпел особых изменений. Ни один из девяти научных центров СО РАН не был закрыт, хотя сеть институтов была частично реорганизована, а сеть СКБ и КТИ и вовсе ушла в небытие, оставив «островки» в отдельных научных центрах Сибири. По данным управления кадров президиума СО РАН, с 1991 по 2000 г. численность персонала СО РАН уменьшилась на 34% (с 50 тыс. чел. до 33,3 тыс. чел.); научных сотрудников – на 22% (с 11,8 тыс. чел. до 9,1 тыс. чел.). Перед руководством СО РАН встала задача сохранения уникального академического комплекса. Её решение воплотилось в формировании политики адаптации к новым условиям. Академику В. А. Коптюгу удалось отстоять пункт о финансировании региональных отделений «отдельной строкой», как это было в советский период.

Практические меры по реализации политики «выживания» предусматривали оптимизацию сети научных учреждений, развитие интеграционных процессов и технопарковой системы, расширение связей с регионами. Принятие законов о региональной научной политике в Новосибирской, Иркутской областях, Красноярском крае позволило заключать соглашения о сотрудничестве между Сибирским отделением РАН и субъектами РФ, обеспечить дополнительное финансирование науки. Усилиями академиков В. А. Коптюга и Н. Л. Добрецова инициированы интеграционные проекты с участием институтов СО РАН, СО РАМН и СО РАСХН, между академическими НИИ и вузами; создана сеть международных исследовательских центров. Установлены партнёрские связи с рядом российских министерств (путей сообщения, транспорта и др.), которые вывели учёных на заказчиков инноваций.

Стабилизация экономической ситуации позволила расширить сотрудничество СО РАН с крупными фирмами и корпорациями в сфере применения инноваций институтов, что способствовало увеличению внебюджетных поступлений. Стабилизировалась кадровая ситуация – уменьшился отток научных работников, возросла численность аспирантов. Возобновилось строительство жилья для молодых специалистов.

Под руководством председателя СО РАН академика А. Л. Асеева в 2009 г. принята Концепция развития Сибирского отделения РАН, увязанная с приоритетами государственной научной политики по развитию инновационной экономики регионов (аналогичные концепции приняли также Уральское и Дальневосточное отделения РАН). Предприняты меры по дальнейшему развитию научных центров СО РАН. Поставлен вопрос о создании новых научных центров СО РАН – Ямало-Ненецкого и Алтайского, организация которых была инициирована администрацией регионов.

Создание федеральных округов в 2000 г. усложнило координацию деятельности научных центров СО РАН. Дело в том, что Тюменская область была отнесена к Уральскому федеральному округу, а Тюменский научный центр по-прежнему входил в состав СО РАН. Аналогичная ситуация сложилась и с Якутским научным центром. Республика Саха (Якутия) стала частью Дальневосточного федерального округа, в то время как ЯНЦ являлся научным центром Сибирского отделения РАН. Эти проблемы были урегулированы специальными соглашениями СО РАН с администрациями Тюменской области и Республики Саха (Якутия).

В 2013 г. дореформенное Сибирское отделение РАН состояло из девяти научных центров. В Западной Сибири действовали Тюменский, Новосибирский, Кемеровский, Омский, Томский научные центры. В Восточной Сибири академическую науку развивали Красноярский, Иркутский, Бурятский, Якутский научные центры. Кроме того, отдельные институты функционировали в Бийске, Барнауле, Чите и Кызыле. Всего в составе СО РАН действовало 77 научно-исследовательских и конструкторско-технологических организаций. По данным управления кадров президиума СО РАН, общая численность работающих составила свыше 29 тыс. чел., в том числе 9,3 тыс. научных сотрудников.

СУТЬ РЕФОРМЫ 2013 ГОДА И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ЦЕНТРОВ

После относительно стабильного существования в первое десятилетие XXI в. региональные научные комплексы вступили в период турбулентности, вызванной реформой 2013 г. Суть реформы, последствия которой ещё не проанализированы в полном объёме, состоит в следующем. Научно-исследовательские учреждения трёх академий (РАН, РАМН, РАСХН) были переданы в состав Федерального агентства научных организаций. Президиум РАН, президиумы региональных отделений и научных центров преобразованы в федеральные государственные бюджетные учреждения. Часть

президиумов региональных научных центров и вовсе «растворилась» в федеральных научных центрах (ФИЦ), в которые были реорганизованы региональные научные центры. В 2018 г. в России было создано более 20 ФИЦ, объединивших около сотни научных организаций [8].

Реформа РАН отделила «голову» – президиумы всех уровней с их мощным координационным потенциалом – от «тела», т. е. научно-исследовательских учреждений. Фактически, от прежней Российской академии наук и её региональных отделений остались только вывески. Тем самым была разрушена стройная система управления и координации академической науки страны, складывавшаяся на протяжении длительного периода. Хотя «на бумаге» РАН наделена экспертными, координирующими и другими важными функциями, её ресурсы крайне ограничены, поскольку деятельность академических учреждений (впервые!) оказалась и организационно, и финансово подчинена не Академии наук, а ФАНО (с 2018 г. – Министерству науки и высшего образования РФ).

Суть проблемы эмоционально охарактеризовал президент РАН академик А. М. Сергеев: «В чём была сила Академии наук СССР, а впоследствии Российской академии наук? Наука и институты составляли единую силу. ... А в 2013 году Академию провозгласили штабом науки, но реально выстроенных возможностей командовать у штаба не стало» [6]. По признанию академика А. Д. Некипелова, «связь институтов с РАН сохраняется только по инерции, поскольку Академия больше уже не является учредителем этих организаций» [5]. По мнению известного науковеда И. Г. Дежиной, главной целью реформы 2013 г. ставилась именно ликвидация существующей структуры управления фундаментальной наукой, без чёткого плана дальнейшей организации научной работы, которая способствовала бы росту результативности фундаментальной науки [2]. По экспертным оценкам, с 2013 г. в России не создано эффективных институтов развития, сопоставимых с потенциалом дореформенной РАН.

Рассмотрим более подробно изменения в сети региональных учреждений после реформы 2013 г. Объектом анализа являются научные центры СО РАН, разделённые на три категории: 1. центры, ведущие свою историю от филиалов АН СССР в Сибири (Новосибирский, Иркутский, Якутский); 2. центры, получившие развитие в составе СО АН СССР/РАН (Томский, Красноярский, Бурятский); 3. «молодые» центры (Тюменский, Омский, Кемеровский).

Начнём с анализа перемен в одном из крупных научных центров России – Новосибирском научном центре (ННЦ СО РАН), который после реформы 2013 г. объединил учреждения СО РАМН и СО РАСХН, расположенные в Новосибирской области. ННЦ никогда не был организационно оформлен как научный центр, а представлял лишь территориальное объединение институтов СО РАН. Накануне реформы 2013 г. в ННЦ насчитывалось 34 института (без учёта институтов медицинского и с.-х. профиля), деятельность которых направлялась президиумом Сибирского отделения. В новых условиях отсутствие формально закреплённого статуса научного центра для ННЦ оказалось плюсом. Устремления руководства ФАНО «схлопнуть»

каждый региональный центр в одно юридическое лицо, независимо от профиля входящих в него институтов, в отношении ННЦ оказалась неосуществимой.

Хотя институты и были поставлены перед необходимостью оптимизации, создание ФИЦ в Новосибирской области в значительной мере осуществлялось на добровольной основе. В 2015 г. был организован первый ФИЦ – «Институт цитологии и генетики СО РАН». В его состав вошли: Институт цитологии и генетики СО РАН, Сибирский НИИ растениеводства и селекции СО РАСХН, а спустя два года – два института медицинского профиля: НИИ клинической и экспериментальной лимфологии СО РАМН и НИИ терапии и профилактической медицины Минздрава РФ. В 2019 г. на карте сибирской науки появился ФИЦ «Институт катализа им. Г. К. Борескова СО РАН». В его состав вошли: Институт катализа им. Г. К. Борескова и его Волгоградский филиал, Центр новых химических технологий (бывший омский Институт проблем переработки углеводов СО РАН).

Институты СО РАМН и СО РАСХН оказались перед сложным выбором: либо интегрироваться с институтами СО РАН, либо создавать самостоятельные профильные кластеры. Большинство учреждений пошли по второму пути. В 2015 г. организован Сибирский федеральный научный центр агробιοтехнологий РАН («Сибирский агропарк»), объединивший свыше десяти институтов СО РАСХН с центром в пос. Краснообск Новосибирской области, в 2018 г. – ФИЦ фундаментальной и трансляционной медицины, объединивший четыре учреждения СО РАМН в Новосибирской области. Путём несложных подсчётов получаем результат оптимизации только в одной области: более 20 ранее самостоятельных научно-исследовательских институтов преобразованы в четыре федеральных центра. Как видим, объектами оптимизации в Новосибирской области стали главным образом институты СО РАМН и СО РАСХН.

После ННЦ вторым по численности институтов и научных кадров в Сибирском отделении РАН является Иркутский научный центр, который ведёт свою историю с 1949 г. В дореформенный период ИНЦ объединял девять институтов, управляемых президиумом научного центра. После реформы над ИНЦ нависла угроза объединения в ФИЦ. Так, возникшую в 2016 г. добровольную инициативу создать Байкальский ФИЦ (на основе потенциала Лимнологического института и Института динамики систем и теории управления) ФАНО пыталось использовать как повод для объединения в ФИЦ всех иркутских институтов СО РАН. Консолидированная позиция губернатора Иркутской области С. Г. Левченко, лидеров иркутской науки академиков И. В. Бычкова, М. И. Кузьмина и др. позволила избежать этого сценария. ФИЦ в Иркутске так и не был создан.

Поскольку после реформы 2013 г. президиум ИНЦ утратил функции координации исследований, а также возможность представлять интересы научного сообщества в различных структурах, в 2019 г. организован Иркутский филиал СО РАН, который намерен восстановить координацию между сибирскими институтами, входящими в состав Министерства науки и высшего образования РФ. Опыт деятельности первого в России филиала подоб-

ного типа можно использовать в тех научных центрах, куда не добрались ФИЦ, например, в Томске и Улан-Удэ. Появление Иркутского филиала СО РАН отражает насущные чаяния учёных по восстановлению того механизма координации научных исследований, который чётко работал в Сибирском отделении РАН до 2013 г. Естественно, что филиал СО РАН в Иркутске будет распространять свою деятельность и на другие институты области.

Якутский научный центр СО РАН ведёт свою историю с 1947 г. В дореформенный период ЯНЦ объединял восемь институтов, управляемых президиумом научного центра. Казалось, что уникальным институтам ЯНЦ (Институт космофизических исследований и аэронауки им. Ю. Г. Шафера, Институт горного дела Севера им. Н. В. Черского, Институт физико-технических проблем им. В. П. Ларионова и др.) удастся отстоять свою самостоятельность. В 2016 г. позицию якутских учёных о недопустимости объединения разнопрофильных институтов в ФИЦ поддержали председатель СО РАН академик А. Л. Асеев и другие учёные. Однако политика неотвратимости оптимизации, проводимая сначала ФАНО, а затем федеральным Министерством, сделала своё дело. В 2019 г. на основе потенциала шести институтов ЯНЦ СО РАН и одного института сельскохозяйственного профиля создан ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН», «поглотивший» также бывший президиум ЯНЦ. И только два института СО РАН – Институт мерзлотоведения им. П. И. Мельникова и Институт геологии алмаза и благородных металлов – сохранили статус самостоятельных учреждений.

Следующая группа научных центров получила развитие в составе Сибирского отделения АН СССР/РАН. Это Томский, Красноярский и Бурятский научные центры.

Томская академическая наука ведёт своё начало с 1969 г., когда было принято решение о создании двух институтов: Института оптики атмосферы и Института химии нефти. Накануне реформы 2013 г. Томский научный центр СО РАН объединял в своём составе пять институтов, среди которых известные своими результатами мирового уровня Институт сильноточной электроники, Институт физики прочности и материаловедения и др. Эти институты, теперь уже в составе Министерства науки и высшего образования РФ, сохранили самостоятельный статус. Оптимизация коснулась сети медицинских учреждений. В 2016 г. образован Томский национальный исследовательский медицинский центр РАН, объединивший шесть учреждений СО РАМН в Томской области.

История красноярской академической науки началась с создания Института физики АН СССР в 1956 г. Накануне реформы 2013 г. в составе КНЦ действовали пять институтов. В 2016 г. КНЦ преобразован в ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН», который объединил десять учреждений: институты СО РАН, а также ряд институтов медицинского и сельскохозяйственного профиля с потерей статуса юридических лиц. Оптимизация КНЦ произошла с нарушением правил научной этики. Были проигнорированы позиции профильных отделений РАН по физическим и биологическим наукам, а также объединённых учёных советов СО РАН, оказано давление на директоров и сотрудников красноярских институтов. Административные

игры в реструктуризацию лишили самостоятельности такие всемирно известные институты Красноярска, как Институт физики им. Л. В. Киренского, Институт биофизики, Институт леса им. В. Н. Сукачева и др.

Бурятский научный центр ведёт своё начало с 1958 г., когда было принято решение о создании Бурятского комплексного НИИ СО АН СССР. В 2013 г. в составе БНЦ действовали пять институтов. Среди них уникальные по профилю исследований Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, Институт общей и экспериментальной биологии, Геологический институт и др. Институты Республики Бурятия смогли избежать оптимизации и сохраняют свою самостоятельность.

К научным центрам СО РАН, развитие которых существенным образом скорректировали реалии 1990-х гг., относятся так называемые молодые центры: Тюменский, Омский и Кемеровский. Общей тенденцией для них является то обстоятельство, что часть институтов, не успев открыться и набрать необходимый потенциал, задолго до реформы 2013 г. была реорганизована в филиалы крупных, в основном, новосибирских, институтов. В итоге вместо запланированных для каждого центра 5–6 институтов остались по 1–3 института. Неудивительно, что «молодые» центры не смогли противостоять процессам оптимизации. В 2016 г. ФИЦ угля и углехимии СО РАН появился в Кемерово. Он объединил три института КеменНЦ: Институт угля, Институт углехимии и химического материаловедения, Институт экологии человека. В 2017 г. организован ФИЦ «Тюменский научный СО РАН». В его состав вошли Институт криосферы Земли и Институт проблем освоения Севера СО РАН, а также два института сельскохозяйственного профиля. Вопрос с реорганизацией в ФИЦ Омского научного центра не стоял вообще, потому что единственный в Омске академический институт – Институт проблем переработки углеводов СО РАН в 2019 г. был преобразован в филиал новосибирского Института катализа им. Г. К. Борескова и вошёл в состав ФИЦ «Институт катализа СО РАН» под названием «Центр новых химических технологий».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в научных центрах Сибири после реформы 2013 г. произошли существенные изменения. Во-первых, все институты из Российской академии наук были переданы сначала в ФАНО, а затем в Министерство науки и высшего образования РФ. Во-вторых, научным центрам пришлось действовать в условиях государственной политики, направленной на оптимизацию сети образовательных и научных учреждений России. В рамках оптимизации научного потенциала взят курс на создание федеральных исследовательских центров. Определяющим динамiku вузовского потенциала в регионе стал курс на оптимизацию и появление новых видов вузов, таких как федеральные, национальные исследовательские, опорные университеты. Интеграционными платформами для науки и образования должны служить научно-образовательные центры Сибири, оформление которых идёт в Тюмени и Кемерово.

Среди старейших научных центров Сибири произошли следующие изменения. В Новосибирском научном центре созданы два ФИЦ на основе потенциала таких известных институтов СО РАН, как Институт цитологии и генетики и Институт катализа им. Г. К. Борескова. Остальные 32 института ННЦ СО РАН сохранили самостоятельный статус. Существенные изменения произошли, главным образом, в системе учреждений СО РАМН и СО РАСХН – вне ФИЦ не осталось практически ни одного института. Институтам Иркутского научного центра удалось не только избежать реструктуризации, но и выработать механизмы координации деятельности в новых условиях. Институты Якутского научного центра, не выдержав длительного сопротивления, «сдались» федеральному Министерству, оставив вне ФИЦ два института из восьми.

Среди научных центров СО РАН «среднего возраста» больше всего пострадал Красноярский научный центр, в отношении которого была применена схема оптимизации путём административного нажима. ФИЦ в Красноярске представляет собой объединение из десяти разнопрофильных учреждений. Институтам Томского и Бурятского научных центров СО РАН пока удалось избежать оптимизации, хотя учреждения медицинской науки в Томске были объединены в профильный кластер.

Судьба институтов «молодых» научных центров СО РАН в Омске, Кемерово и Тюмени после реформы сложилась по-разному. Если кооперация институтов Кемерово происходила на единой платформе исследований, связанных с проблемами Кузбасса, то в Тюмени под куполом ФИЦ объединены институты различной тематической направленности. Омский научный центр и вовсе остался без единого академического института.

Всего в научных центрах СО РАН после реформы 2013 г. создано шесть ФИЦ (без учёта СО РАМН и СО РАСХН), а с учётом кластеров медицинской и сельскохозяйственной науки – девять. Последствия оптимизации пока что трудно оценить в полном объёме, поскольку мы являемся, по сути, очевидцами происходящих в науке перемен. Очевидно, что польза от слияния институтов в ФИЦ может быть оправдана только в одном случае: когда необходима кооперация усилий коллективов научных сотрудников для целевого решения актуальных проблем.

По мнению экспертов, целесообразность такой кооперации продемонстрировали: ФИЦ «Институт цитологии и генетики СО РАН», проводящий исследования практически по всем направлениям общей, молекулярной, медицинской и сельскохозяйственной генетики; ФИЦ «Институт катализа им. Г. К. Борескова СО РАН» оформил давно сложившуюся кооперацию в области изучения катализаторов и каталитических технологий; ФИЦ угля и углехимии СО РАН становится центром академической науки России в области геологии, добычи и глубокой переработки угля; Томский национальный исследовательский медицинский центр РАН замкнул вопросы медицины в единый цикл – от фундаментального до прикладного уровней.

В то же время недоумение научного сообщества вызывает искусственное объединение разнопрофильных по тематике институтов, с использованием механизмов административного давления. Жертвами именно такой опти-

мизации стали институты Тюменского, Красноярского и Якутского научных центров СО РАН.

Но, пожалуй, самой главной проблемой, наряду с организационной формой науки, остается вопрос её управления и координации хотя бы на уровне региона. Старая система рухнула, а новая ещё не сформировалась. «Скрепками», оставшимися от прежней системы координации научных исследований, остаются сложившаяся в предыдущие годы кооперация институтов СО РАН в работе над интеграционными проектами, а также объединённые учёные советы СО РАН, которые в современных условиях действуют фактически на общественных началах.

Как показывает новейшая практика, интеграционными платформами для учёных региональных центров в современный период могут быть социально значимые проекты, подобные проекту «Академгородок 2.0». Когда была обозначена перспектива реализации этого проекта в 2018 г., научное сообщество ННЦ в кратчайшие сроки подготовило несколько десятков проектов по актуальным направлениям научно-технологического развития России, продемонстрировав потенциал академической науки в рамках междисциплинарного взаимодействия. Однако энтузиазм учёных в подготовке интеграционных платформ может быстро иссякнуть, если он не подкреплён решениями об их реализации на государственном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семёнов Е. В. Государственная научно-технологическая политика в современной России: замысел и реализация // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 1. С. 51–71. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2019.1.1.1>.
2. Дежина И. Реформа РАН: причины и последствия для науки в России [Электронный ресурс] // Russie. Nei. Visions. 2014. Май. № 77. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_77_ran_reforma_rus_dezhina_may_2014.pdf (дата обращения: 24.12.2019).
3. Плюснин Ю. М., Аблажей А. М. Государственная научная политика глазами «рядового учёного». Ситуативные стратегии поведения учёных в ответ на волны реформирования российской науки // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 2. С. 38–57. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2019.1.2.2>.
4. Асеев А. Л. Реструктуризация и региональные научные центры РАН [Электронный ресурс] // Троицкий вариант-Наука. 2017. 17 января. № 220. С. 5. URL: <http://trv-science.ru/2017/01/17/restrukturizaciya-i-regionalnye-nauchnye-centry-ras/> (дата обращения: 20.12.2019).
5. Академик Некипелов назвал реформу РАН ударом по фундаментальной науке [Электронный ресурс] // Интерфакс. 2019. 18 декабря. URL: <https://www.interfax.ru/russia/688490> (дата обращения: 18.12.2019).
6. Кантеров К. Александр Сергеев: у учёного должны быть статус и время [Электронный ресурс] // Новая Сибирь. 2020. 31 января. URL: <https://newsib.net/ekonomika/aleksandr-sergeev-u-uchenogo-dolzhen-byt-status-i-vremya.html> (дата обращения: 01.02.2020).
7. Куперштох Н. А. Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Академич. изд-во «Гео», 2006. 441 с.

8. Довбыш А. Новый Федеральный исследовательский центр в Новосибирске объединил 4 научных института СО РАН. [Электронный ресурс] // *Континент Сибирь*. 2018. 26 января. URL: <https://ksonline.ru/305385/novyj-federalnyj-issledovatel'skij-tsentr-v-novosibirsk-obyedinil-4-nauchnyh-institutov-so-ran/> (дата обращения: 20.12.2019).

Статья поступила в редакцию 04.02.2020.

THE REFORM OF THE RAS 2013 AND ITS CONSEQUENCES FOR REGIONAL SCIENTIFIC CENTERS (ON THE EXAMPLE OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RAS)

Natalia A. Kupershtokh

Institute of History of the Siberian Branch of the RAS,
Novosibirsk, Russian Federation

nataly.kuper@gmail.com

DOI: 10.19181/sntp.2020.2.1.3

Abstract. The reform of the RAS 2013 interrupted the long-term strategy of the Russian Academy of Sciences for the consistent development of regional scientific potential. The essence of this strategy was to gradually build up “scientific” forces in the field and to organize them first in branches and then in scientific centers of the Academy of Sciences of the USSR / RAS. Regional scientific complexes have come a long way in their formation: from single laboratories and stations at the beginning of the 20th century to interdisciplinary scientific and educational complexes of the 21st century. The regional scientific centers of the Russian Academy of Sciences have proven their effectiveness as centers that coordinate and manage the activities of scientists both vertically and horizontally. The article shows the history of the formation of a system of scientific centers, coordination and management of scientific research in the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences since 1957. On the eve of the 2013 reform, the SB RAS represented a system of nine research centers located in Western and Eastern Siberia. The results of the policy of optimization of scientific potential, and, in fact, “collapse” of a number of scientific centers of the SB RAS, are analyzed. This policy was pursued by the Federal Agency for Scientific Organizations (FANO) in 2013–2018 and the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in 2018–2019.

Keywords: the Russian Academy of Sciences; the reform of 2013; Siberian branch; regional research centers.

For citation: Kupershtokh, N. (2020). The reform of the RAS 2013 and its consequences for regional scientific centers (on the example of the Siberian Branch of the RAS). *Science management: theory and practice*. Vol. 2. No. 1. P. 54–68. DOI: 10.19181/sntp.2020.2.1.3

REFERENCES

1. Semenov, E. V. (2019). Gosudarstvennaya nauchno-tekhnologicheskaya politika v sovremennoi Rossii: zamysel i realizatsiya [Public science and technology policy in modern Russia: idea and implementation]. *Science management: theory and practice*. Vol. 1. No. 1. P. 50–71. DOI: <https://doi.org/10.19181/sntp.2019.1.1.1> (In Russ.).
2. Dezhina, I. (2014). Reforma RAN: prichiny i posledstviya dlya nauki v Rossii [Reform of the Russian Academy of Sciences: causes and consequences for science in Russia]. [Electronic resource]. *Russie. Nei. Visions*. No. 77. May. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_77_ran_reforma_rus_dezhina_may_2014.pdf (accessed 24.12.2019). (In Russ.).
3. Plusnin, Ju. M. and Ablazhey, A. M. (2019). Gosudarstvennaya nauchnaya politika glazami «ryadovogo uchenogo». Situativnye strategii povedeniya uchenykh v otvet na volny reformirovaniya rossiiskoi nauki [Scientific state policy through the eyes of an «ordinary scientist». Scientists' situational strategies in response to the science reforming waves in Russia]. *Science management: theory and practice*. Vol. 1. No. 2. P. 38–57. DOI: <https://doi.org/10.19181/sntp.2019.1.2.2> (In Russ.).
4. Aseev, A. (2017). Restrukturizatsiya i regional'nye nauchnye tsentry RAN [Restructuring and regional scientific centers of the Russian Academy of Sciences]. [Electronic resource]. *Troitskii variant-Nauka*. January 17. No. 220. P. 5. URL: <http://trv-science.ru/2017/01/17/restrukturizatsiya-i-regionalnye-nauchnye-tsentry-ras/> (accessed 20.12.2019) (In Russ.).
5. Akademik Nekipelov nazval reformu RAN udarom po fundamental'noi nauke [Academician Nekipelov calls the reform of the RAS a blow to fundamental science] (2019). [Electronic resource]. *INTERFAX.RU*. December 18. URL: <https://www.interfax.ru/russia/688490> (accessed 18.12.2019). (In Russ.).
6. Kanterov, K. (2020). Aleksandr Sergeev: u uchenogo dolzhny byt' status i vremya [Alexander Sergeev: the scientist must have status and time]. [Electronic resource]. *Novaya Sibir'*. 2020. January 31. URL: <https://newsib.net/ekonomika/aleksandr-sergeev-u-uchenogo-dolzhny-byt-status-i-vremya.html> (accessed 01.02.2020). (In Russ.).
7. Kupershtokh, N. (2006). *Nauchnye tsentry Sibirskogo otdeleniya RAN* [Scientific centers of the Siberian branch of the RAS]. Novosibirsk. 441 p. (In Russ.).
8. Dovbysh, A. (2019). Novyi Federal'nyi issledovatel'skii tsentr v Novosibirsk ob"edinil 4 nauchnykh instituta SO RAN [The New Federal Research Center in Novosibirsk united 4 scientific institutes of the SB RAS]. [Electronic resource]. *Kontinent Sibir'*. 2018. January 26. URL: <https://ksonline.ru/305385/novyj-federalnyj-issledovatel'skij-tsentr-v-novosibirsk-obedinil-4-nauchnykh-instituta-so-ran/> (accessed 20.12.2019) (In Russ.).

The article was submitted on 04.02.2020.